

В. П. Берков

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ПОРТРЕТУ М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКОГО

Для большинства людей, общавшихся с М. М. Стеблин-Каменским, он, естественно, был прежде всего выдающимся ученым, который внес огромный вклад в филологическую науку — и в языкознание, и в литературоведение.

О его работах уже сказано и немало — и его коллегами, и его учениками. Однако о Михаиле Ивановиче как человеке написано совсем немного, и для тех, кто не был близко знаком с ним, возможно, будет небезынтересно познакомиться с некоторыми сторонами его личности.

Человеческая память, как всем прекрасно известно, весьма несовершенна и причудливо избирательна. О ней М. И. как-то сказал, что она похожа на скверно и своенравно работающий фотоаппарат, который время от времени сам по себе делает снимок, далеко не всегда важный — и притом неточный, пропуская гораздо более значительные сюжеты и моменты. Автор этой заметки знал М. И. тридцать пять лет, но тем не менее берет на себя смелость попытаться привести лишь некоторые из запомнившихся ему эпизодов.

Таким образом, у этой заметки весьма скромная цель: рассказать только о некоторых человеческих штрихах личности М. И., которые, возможно, неизвестны читателям этих строк. Тем более, что людей, лично знавших М. И., становится все меньше (он умер в 1981 г.) и скоро совсем не останется.

Как все выдающиеся люди, М. И. был, кроме своего дара ученого, щедро наделен природой разными талантами.

Так, он был великолепным оратором. Он обладал редким даром очень доходчиво, но никогда не впадая в упрощения, излагать весьма сложные проблемы. А связано это было с тем, что он мало как кто другой мог быстро оценить суть теории, мгновенно отшелушить терминологические красоты и показать ее истинную сущность. Студенты не раз изумлялись: как это, оказывается, все просто!

Говоря об его таланте университетского профессора, следует назвать одно из его последних публичных выступлений. Этот блестящий доклад состоялся осенью 1979 г. и был посвящен 800-летию со дня рождения Снорри Стурлусона (М. И. называл его самым выдающимся из всех когда-либо живших исландцев).

Кстати, М. И., читая лекции студентам или аспирантам, обычно стоял у доски и держал в руках листок или два. Излишне говорить, что он никогда не зачитывал их, он просто время от времени бросал на них беглый взгляд, чтобы убедиться, что ничего не упустил.

Стоит упомянуть, что в первые годы существования скандинавского отделения на филфаке М. И., помимо чтения лекций (все эти курсы он разработал сам, и впоследствии они были изданы в виде книг), вел и практические занятия по норвежскому языку. И здесь он отходил от шаблонных методов преподавания. Так, вместо не запоминаемых студентами банальных предложений типа «в саду растут высокие деревья» он предложил нам, студентам первого семестра, перевести на норвежский язык фразу «большой идиот играет с маленьким зверем».

Хотелось бы начать с некоторых черт М. И., характеризующих его не как кабинетного ученого, погруженного в филологические размышления, а как веселого и остроумного человека. М. И. был щедро наделен природным чувством юмора, был мастером экспромта. Вот несколько запомнившихся случаев.

Как-то в начале 60-х годов мы с М. И. и моей ныне покойной женой решили совершить путешествие на машине по Прибалтике. Конечной целью была Калининградская область: хотелось посмотреть, какой когда-то была Восточная Пруссия. Путь наш лежал через Латвию и затем по Куршской косе. Из проезда по Латвии запомнилось, что, обратив внимание на какой-то убогий домишко, М. И. сказал:

— А вот дом бедного латышского сапожника.

Таких домишек оказалось, естественно, немало, что последовательно отмечалось М. И. Под конец он резюмировал:

— Как много в Латвии бедных сапожников!

Когда мы добрались до косы, выяснилось, что гостиниц на ней нет, и единственное место, где теоретически можно остановиться, это бывшая дача Томаса Манна (местные жители называли ее без затей «Томас Манас»). Правда нас предупредили, что туда могут и не пустить. Чтобы все же переночевать в «Томасе Манасе», я предложил М. И. испробовать проверенный мной однажды способ (ему научил меня один факультетский коллега) — с достоинством произнести: — Я профессор из Ленинграда. — И с небрежным кивком через плечо в нашу сторону добавить: — А эти люди со мной.

М. И. это явно было не по душе, но более чем реальная перспектива ночевать в машине (а было довольно прохладно) сыграла свою роль, и он согласился. Как ни странно, сработало. Однако выяснилось, что надо перенести со второго этажа две кровати. М. И. с таким демократическим энтузиазмом участвовал в перемещении кроватей, что на лицах служительниц Томаса Манаса явно читалось сомнение, действительно ли этот шустрый человек — профессор из Ленинграда.

Место для машины было довольно далеко от самой дачи, и мы с женой отправились перегонять ее туда. Когда мы минут через двадцать вернулись, М. И. сказал: — Пока вы там ходили, я сочинил роман. А сюжет у него следующий.

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает, хотя бы на время, бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню (естественно, на Куршской косе). Там он встречает очаровательную молодую рыбацку и сообщает ей, что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет. А сюжет таков.

Немолодой профессор, уставший от преподавания в университете и научной работы, решает, хотя бы на время, бросить все это и поселиться где-нибудь в сельской глуши, чтобы осуществить свою заветную мечту — написать роман. И вот он приезжает в небольшую литовскую рыбацкую деревню, где встречает очаровательную

молодую рыбачку и сообщает ей, что приехал в эту деревню писать роман, и рассказывает ей его сюжет. А сюжет таков.

Немолодой профессор... и т. д.

Во время поездки выяснилось, что М. И. коллекционировал города, в которых побывал. Названия он аккуратно заносил в специальную записную книжечку. Нередко возникала проблема: считать ли этот населенный пункт городом? Чаще всего дискуссии кончались тем, что этот пункт достаивался почетного статуса города. Насколько помнится, к тому времени число занесенных городов перевалило за двести.

На обратном пути (мы ехали вдвоем: моя жена улетела из Калининграда на похороны) особых событий не было, упомяну лишь два мелких эпизода.

Чтобы не запутаться в расчетах, мы выделили особый кошелек — «кассу» (я был кассиром), куда клали равные суммы. Каждый раз, когда нам надо было выложить деньги, М. И. спрашивал меня по-литовски: — Касса дирабс? (Касса работает?) с вариантами типа: — Ну, как наша касса еще дирбас? — и т. п.

В одном сельском литовском ресторане, где меню было напечатано только по-литовски, мы оказались в затруднении. Однако было решено обойтись без помощи официантки-переводчицы. Хотя М. И., насколько мне известно, никогда литовским специально не занимался, он превосходно справился с задачей, привлекая для расшифровки множество языков, включая, помнится, санскрит. Слушать его трактовки было истинным удовольствием. Правда, официантка не была в восторге от нашего чуть ли не часового изучения меню. (Нам, надо сказать, так и не удалось сообразить, что такое «цепелинай», кроме того, что это множественное число от «цепелинас»; мы, конечно, их и заказали; оказалось, что это что-то вроде больших клецок.)

Вот еще несколько примеров его экспромтов.

Довольно давно в Москве (кажется, в Институте языкознания) проводилась научная конференция на тему «Грамматикализация и лексикализация». Разумеется, ничего нового никто не сказал и ни в чем не убедил своих противников, да, собственно говоря, на это и расчета не было: главное, что состоялась глубокомысленная конференция по актуальной научной проблеме. М. И. с докладом не выступал (ему давным-давно все было ясно). Время заседания он использовал довольно необычно. Дело в том, что его многочис-

ленные (лингвистические) поклонницы перед заседанием надарили ему ворох сборников, в которых были их статьи (лестно ведь подарить свое произведение самому Михаилу Ивановичу Стеблин-Каменскому). Сидя в первом ряду, М. И. бегло пролистывал эту продукцию и, изредка обнаружив если и не жемчужное зерно, то хотя бы что-то стоящее, с треском выдирали заинтересовавшие его страницы, а сам сборник небрежно кидал под стул. От этого треска докладчики и сидящие в президиуме пугливо вздрагивали. О реакции авторов можно только догадываться. К концу заседания под стулом образовалась внушительная гора сборников.

Казалось, М. И. совершенно не прислушивался к тому, что говорилось с кафедры. Выяснилось, что это не так. Он обладал редким даром, занимаясь каким-то делом, следить за происходящим вокруг. Уже к концу заседания он попросил слова и с убийственной иронией описал всю дискуссию в виде балета. Насколько помнится, там был кордебалет, где две группы балерин — сторонницы лексикализации в белом, а сторонницы грамматикализации в черном (или наоборот, не помню) танцевали на разных этических уровнях. Кончалось все *pas de deux* грамматикализации и лексикализации.

Докладчики и президиум, конечно, не подали виду, что обиделись. А, может быть, и впрямь приняли сценарий этого балета за невинную шутку.

Около 1960 года М. И. наконец получил высочайшее разрешение поехать в Исландию. Поездка была безо всякого преувеличения триумфальной: его хорошо знали заочно по его работам и очень высоко ценили. Но это — особый разговор, а сейчас речь идет об экспромтах и юморе М. И.

В Исландии один из излюбленных жанров — рассказы о привидениях. Рассказы эти бывают самые разные, от весьма прозаических до совершенно фантастических. Трудно сказать, верят ли в привидения современные исландцы. М. И. утверждал, что не верят, но считается хорошим тоном делать вид, что верят: это соответствует национальным традициям.

Раз в одном обществе, естественно, заговорили о привидениях. М. И. тут же рассказал свою историю. Он поведал М. И., вовсе не профессор Михаил Иванович Стеблин-Каменский, а привидение. Самого М. И., как и следовало ожидать, не выпустили из Ленинграда (по более поздней версии М. И., он умер в Ленинграде). Он брался доказать это. Когда его не видели, он снимал свою голову

и брал ее под мышку. Однажды он в таком виде прошеествовал по пустынному ночному Рейкьявику до своей гостиницы на окраине. Много лет спустя исландцы с восторгом пересказывали в деталях запомнившуюся им «сагу о привидении» М. И.

Выступая оппонентом по одной фонологической диссертации, где, в частности, на основании сравнения древнего состояния одного языка и его современного, делались выводы о его фонемном составе в средние века, М. И., отвлекшись от текста своего официального отзыва, сказал:

— Вполне возможно, что это и так. Возьмем, однако, другой случай. Я живу примерно в пяти километрах от университета. От меня туда ходит троллейбус. Я вышел из дому за полтора часа до заседания ученого совета. Расчет времени, затраченного на путь, должен показать, что я ехал на троллейбусе. На деле же я встретил знакомого, заболтался с ним, а потом, спохватившись, взял такси. Так что скорость моего передвижения по городу была совсем не такая, как можно предполагать, исходя из средней скорости троллейбуса. — Так же обстоит дело с развитием языка: оно не идет равномерно.

Когда в члены-корреспонденты АН СССР одновременно выдвинули М. И. и В. Н. Ярцеву (тогда уже, кажется, директора Института языкознания в Москве), М. И. снял свою кандидатуру. Он объяснял это так (я запомнил дословно): — Выберут Викторию Николаевну, наступит благоденствие для всей нашей лингвистической науки. А если выберут меня, станут спрашивать: «Чем подлец взял?» (Конечно М. И. прекрасно знал цену и себе, и своим конкурентам, но не хотел участием в недостойном фарсе как бы объективного избрания, где все заранее было задано, придавать ему видимость легитимности и отшучивался.)

На юбилее Т. И. Поздранковой, любимой всеми филологами старшей преподавательницы английского языка, был предложен конкурс на самый короткий тост в честь юбиляра. Его выиграл М. И., провозгласив: «Будьте!».

В 1973 г. у М. И. случился инфаркт. В это время он увлеченно работал над статьей, которую потом считал одной из своих лучших. Рассказывал он об этом так: — Я работаю, а тут, видите ли, инфаркт. Но я уже не могу остановиться. Меня кладут в карету скорой помощи, а я пишу. Укладывают в палату, а я все пишу. Писал, пока не закончил.

Этот последний эпизод дает повод перейти от юмора М. И. к более серьезным чертам его личности.

Как работал М. И.?

Мало кому довелось видеть сам процесс его работы, разве что членам его семьи. Поэтому то, что излагается дальше, основывается на его рассказах. Когда он задумывал новую работу, он досконально знакомился с литературой вопроса. (Читал он, сидя в своей любимой качалке.) Прочитанные работы он кратко конспектировал в больших толстых тетрадах, на полях которых записывал свое мнение. Запомнилось несколько таких маргиналий. По поводу одной толстой немецкой книги М. И. коротко написал: «Туманно!». О другой он отозвался значительно проще: «Чушь!». А еще об одной: «Ну, как он не понимает такой простой вещи. . .?!».

Важным этапом его научной работы были прогулки — обычно двухчасовые — во вторую половину дня, когда он обдумывал работу и прочитанное (при этом он замечал, как меняются деревья, и любовался белками). Как правило, он садился писать работу, когда она была полностью продумана, и оставалось лишь записать ее и отредактировать. Ср. выше его рассказ о работе, которую он писал со свежим инфарктом.

Читая специальную литературу, М. И. ничего не принимал на веру. Он должен был все продумать сам. Один коллега назвал его (заочно, разумеется) «конструктивным нигилистом». А в сущности, это был очень высокий комплимент. Нигилистом быть не фокус, а вот противопоставить расхожему мнению свое, глубоко продуманное, дано единицам — таким людям, как М. И.

Важной чертой его научных занятий была поразительная способность одновременно работать в нескольких различных областях филологии. Примеров можно привести множество, так что можно ограничиться несколькими первыми его книгами. В 1953 г. вышла его «История скандинавских языков». (Книгу эту М. И. не любил, в частности, потому, что она была испорчена открывающей предисловие редакционной вставкой: «Основополагающие труды И. В. Сталина по языкознанию впервые поставили науку об истории языка на твердую марксистскую почву. Уже само сталинское определение языка как общественного явления. . .».) В 1955 г. вышел его учебник «Древнеисландский язык» (по его второму изданию студенты занимаются до сих пор). В 1956 г. под его редакцией, с его предисловием и комментариями был издан том переводов «Исланд-

ские саги» почти на 800 (!) страниц. Годом позже, в 1957 г., была опубликована его «Грамматика норвежского языка» (с интереснейшими очерками по общей теории грамматики) и т. д. Оценивая это, надо учитывать, сколько времени в советское время занимала подготовка книги к печати. К тому же у М. И. все время была полная профессорская нагрузка в университете.

Тут, видимо, надо сказать, что М. И. в силу ряда обстоятельств начал публиковаться довольно поздно: первая его печатная работа увидела свет в 1946 г., когда автору была уже 43 года. Некоторые ученые к этому возрасту снижают свою продуктивность. У М. И. дело обстояло совсем наоборот: с годами поток его — серьезнейших — публикаций только возрастал. Характерен даже тот факт, что ему действительно стало плохо (через два дня он скончался), когда он увлеченно работал над изданием «Саги о Сверрире».

К своим аспирантам он относился бережно и вместе с тем требовательно. Существенно, что он всегда читал аспирантские работы очень быстро, доброжелательно и строго. Замечания, как правило, были немногочисленными, но меткими и только по существу.

Как-то он произнес знаменательную фразу: «Я люблю своих учеников».

Он рассказывал, что однажды проводил экзамен двух кандидатов в аспирантуру на одно место. Про первого он сказал, что тот врет, но врет интересно, с оригинальными, хотя порой и вздорными мыслями. Второй отвечал правильно, все добросовестно выучил, но без какого-либо своего мнения о материале. «Я взял конечно первого», — сказал М. И.

Много лет М. И. заведовал кафедрой. Благодаря ему все эти годы на кафедре была на редкость благожелательная обстановка. Ни склок, ни интриг. Периодически М. И. приглашал всю кафедру в гости. На одной из таких встреч произошел несколько неприятный инцидент. Один из членов кафедры, искренне желая сделать МИ приятное, сказал, что кафедра скандинавской филологии — викингский корабль, а М. И. его кормчий. М. И. это неожиданно рассердило. «Я не начальник, — сказал он, — мы все вместе делаем одно общее дело». И привел цитату из одной саги, где герой говорит: «Мы все равны». Возникшую неловкость удалось преодолеть лишь тем, что сразу было рассказано, как некоторые ГДР-овские немцы, читавшие по-русски, перевели «великий кормчий» (о Мао) как «der große Ernährer», дословно «великий кормилец», спутав русские сло-

ва корма и кормить. М. И. это очень позабавило, и инцидент был исчерпан.

Вообще М. И. терпеть не мог лести или даже то, что могло показаться лестью. На одной конференции скандинавистов в Кяярику (Эстония) один московский профессор произнес тост в честь МИ: «За патриарха нашей скандинавистики!». Забавно, что на этот тост мгновенно и идентично — «от патриарха и слышу» — прореагировали три человека (один шепотом, другой вполголоса, а М. И. вслух).

На одной из скандинавистских конференций одна средних лет дама, поговорив с М. И., поспешно откланялась, мотивируя это тем, что ей необходимо позвонить сыну в Москву. М. И. сказал: «Надо же, а я думал, что она девица».

М. И. редко ввел разговоры на общеполитические темы, хотя сказать ему, естественно, было что. Запомнилась одна его притча. В некоем государстве человек, чтобы не подвергнуться репрессиям, остаться в живых, должен был представить справку о том, что он лично задушил пятерых своих сограждан.

Выше рассказывалось о некоторых чертах личности М. И. Стоит упомянуть еще несколько, так сказать, более земных.

М. И. невероятно много читал, причем не только литературу по специальности. Можно было поражаться его безупречному вкусу. Возвращая мне «Мастера и Маргариту» (естественно, журнальный вариант, чудом попавший ко мне), М. И. произнес только одно слово: «Гениально!» Зато о данном ему довольно посредственном норвежском романе — а он старался читать как можно больше на всех скандинавских языках — он столь же лаконично отозвался: «Баракло!»

В первые послевоенные годы М. И. регулярно ходил на филармонические концерты. Там он встречал многих коллег по филфаку.

М. И. был страстный — и удачливый — грибник. Как-то раз, когда мы оба одновременно закончили занятия в час дня (тогда «пары» действительно были парами: 9–10.50, 11–12.50 и т. д.), М. И. совершенно неожиданно предложил: «А давай-те ка съездим прямо из университета за грибами!» (я был на машине), что и было сделано. Вообще-то мы ездили с ним за грибами не раз и не два.

Успевал он и смотреть новые фильмы.

Непостижимо, как у него на все это хватало времени.

М. И. отнюдь не чурался застолий, охотно принимал в них участие. Но надо отметить, что он никогда не стремился завладеть

разговором, стать центром всеобщего внимания, не витийствовал. Конечно когда он говорил, все к нему прислушивались, потому что он никогда не произносил тривиальностей и был неизменно остроумен. Но это было естественной его чертой, и он никогда не стремился блеснуть умом, у него это получалось органически.

Еще несколько черт характера М. И.

Он был очень щедрым человеком, который неизменно делился своими огромными знаниями и своими идеями. Он был щедрым и в чисто житейском плане. Упомянем лишь два примера.

Отправляясь с кем-либо на машине в дальнюю поездку, он неизменно брал с собой огромную коробку шоколадных конфет и периодически предлагал всем: «Не угодно ли конфетку?»

На одной из скандинавистских конференций с ее участников при регистрации по приезду неожиданно взяли очень много денег (за разные экскурсии, за многодневное бронирование номеров и т. п.), так что мы фактически все, включая М. И., оказались почти без средств. (Например, мы с А. С. Либерманом завтракали одной бутылкой кефира на двоих, благо хлеб на столе был бесплатный.) В один из дней М. И. где-то разжился десяткой (тогда это были деньги), на которую он для нас купил бутылку хорошего коньяка.

Он никогда не жаловался — ни на несправедливости, ни на здоровье. Он все сносил достойно.

М. И. принадлежал к уже вымирающему (скорее, увы, вымершему) поколению ярких российских профессоров, которые были и великолепными специалистами, шедшими своим собственным путем и ничего не принимавшими на веру, прекрасными учителями (т. е. не только преподавателями) и были в курсе всего нового в литературе и искусстве. Вместе с тем он был также очень земным человеком, что, хочется надеяться, показывает эта заметка.